

Сяо Мо и Вань Чжужфэн один за другим спускались к подножию горы, чтобы разобраться с участвовавшими в нападении демонических культиваторов, похищавших у людей жизненную энергию. Сяо Мо, привыкший заниматься лишь делами своего клана, поначалу полагал, что его сородичам просто не повезло, но вскоре стало ясно: бесчинства демонов превратились в пугающую закономерность.

Вань Чжужфэн вернулся в обитель совершенно измотанным. Первым делом он, приткнувшись в углу, долго и сосредоточенно пересчитывал свои духовные камни — лишь спустя сутки он наконец пришёл в себя достаточно, чтобы обсудить беду с двумя своими самыми талантливыми младшими соучениками и попросить их о помощи.

— Ситуация принимает серьёзный оборот. Почему же, когда я был внизу, об этом не было слышно ни слова? — Сяо Мо нахмурился, отбросив привычный шутливый тон.

Вань Чжужфэн медленно покачал головой:

— Великие кланы разобщены. Кто из них первым решится выказать слабость, признав, что не справляется, и станет просить помощи у соседей?

Гора Лунной Росы считалась местом, где семейное происхождение не имело значения, а кланы объединялись ради общей цели. Однако на деле последователи четырёх Совершенных Мастеров продолжали соперничать друг с другом, заботясь лишь о собственных интересах.

Ду Чэнъин всё это время хранил молчание. Он сидел, опустив голову, и казалось, вовсе не слушал собеседников, погружённый в свои мысли.

Вань Чжужфэн потирал пальцы, чувствуя растущую неуверенность. Наконец, поколебавшись, он произнёс:

— Вообще-то, я думаю, брат Ду отлично подошёл бы для этого дела.

Брат Ду был единственным на горе Лунной Росы, кто не принадлежал ни к одному из влиятельных родов. Именно его участие могло стать тем компромиссом, который не задел бы гордость великих семейств.

Услышав своё имя, Ду Чэнъин поднял взгляд. Его лицо оставалось бесстрастным, а взор — холодным. Встретившись с этими пугающими, почти демоническими глазами, Вань Чжужфэн невольно сглотнул и осёкся, так и не договорив.

— Об этом нужно доложить Совершенным Мастерам. Пусть они решают, — рассудил Сяо Мо.

Как старший ученик, он обладал необходимой выдержкой. Совершенный Мастер Саньюэ редко вмешивался в мирские дела, и Сяо Мо не хотел втягивать учителя в интриги — их ветвь всегда держалась в тени, не ища лишней ответственности.

— О чём именно нужно доложить Совершенным Мастерам? — в этот момент в комнату вошёл Линь Ци. Почувяв запах новой задачи, он выглядел заметно напряжённым.

Вань Чжужэн вкратце пересказал ему вести, принесённые из внешнего мира.

Сердце Линь Ци пропустило удар, и он невольно покосился на Ду Чэнъина.

Тот сидел неподвижно: длинные одежды красиво ниспадали на пол, иссиня-чёрные волосы были уложены волосок к волоску. Даже после бессонной ночи он выглядел безупречно — прекрасный юноша, в котором невозможно было заподозрить будущего владыку демонов.

«Опять события, которых не было в прошлом воплощении»

Линь Ци подавил растущие подозрения и сел. Свободным оставалось лишь одно место — рядом с Ду Чэнъином. Почувствовав некоторую неловкость, юноша старался не смотреть в его сторону.

— Пожалуй, стоит известить учителей, — тихо согласился он.

— Медлить нельзя. Я прямо сейчас отправлюсь к Совершенной Мастернице Юаньюй, — Сяо Мо решительно стукнул ладонью по столу и обернулся к Вань Чжужэну: — Второй брат, ты останешься на горе присматривать за делами.

Тот лишь молча кивнул.

Затем Сяо Мо перевёл взгляд на Ду Чэнъина:

— Брат Ду, а ты присмотри за братом Линем.

Линь Ци: «...»

Ду Чэнъин едва заметно кивнул:

— Не беспокойся, брат Сяо.

Распорядившись, старший соученик стремительно вышел. Вань Чжужэн тоже поднялся.

— Развлекайтесь, братья, а у меня полно забот, — честно признался он и поспешил вслед за старшим.

В комнате воцарилась тишина. Линь Ци и Ду Чэнъин остались одни. Юноша чувствовал себя крайне неуютно. Он порывался встать и уйти, но боялся, что это будет выглядеть слишком демонстративно. В конце концов, Ду Чэнъин не сделал ничего дурного, и обижать его подобным пренебрежением было не в характере Линь Ци.

— Если хочешь уйти — иди, — негромко произнёс Ду Чэнъин.

Линь Ци мгновенно вспыхнул и опустил голову:

— Я вовсе не это имел в виду.

Собеседник резко поднялся:

— Тогда уйду я.

Он направился к выходу, не дожидаясь ответа. Линь Ци с удивлением смотрел ему в спину: Ду Чэнъин шёл быстро и скрылся из виду прежде, чем Линь Ци успел что-то сказать.

Юноша лишь приоткрыл рот в изумлении. Неужели... он обиделся?

Система, наблюдая за его растерянным видом, ехидно прокомментировала:

— Каким же ты бываешь недогадливым.

Линь Ци: «Почему это я вдруг недогадливый?»

«Не понимать элементарной игры в "кошки-мышки"... — подумала Система. — Неужели этот синтетический мозг совсем проржавел?»

Однако вслух она лишь бросила:

— У Ду Чэнъина уровень озлобления под сотню. Следи за своим поведением.

Линь Ци засомневался. Как именно он должен следить? Улещивать его? Или вовсе принять эти чувства? Но ведь это был бы обман. У персонажей малых миров тоже есть права, и делать подобные вещи — значит навлекать на себя предупреждение от Ассоциации по правам человека Альянса.

— Шоу начинается, я пошла, — отрезала Система. — А ты будь настороже. Если Ду Чэнъин нападёт на тебя ночью — просто потерпи. Немного поболит, зато потом будет приятно.

Линь Ци: «...Да иди ты уже».

Оставшись один, Линь Ци принялся расчёсывать Уся. Это было его единственным утешением — страсть к мягкой шёрстке была неистребима. Цилянь вёл себя на редкость смиренно: он уселся на пол и не сводил с юноши своих сияющих изумрудных глаз.

— Уся, — Линь Ци ласково провёл рукой по густому меху и прошептал: — Как думаешь, я не слишком с ним суров?

Зверь молчал. Он даже не мяукнул, лишь смотрел на него тепло и преданно, а затем мягко ткнулся ухом в спину юноши.

— Я знаю, что нравлюсь ему... очень нравлюсь, — Линь Ци вздохнул и уткнулся лицом в пушистую гриву зверя. — Но ведь тот, кого он любит — это на самом деле не я. Понимаешь?

В лесной чаще Ду Чэнъин вздрогнул.

«Какой же ты глупец, старший брат... — его ресницы затрепетали, а губы тронула горькая усмешка. — Неужели я сам не знаю, кого люблю?»

Линь Ци чувствовал, что эта ситуация сводит его с ума. Бремя чужих чувств неприятно давило на плечи. Он несколько раз перекатился по мягкой спине зверя и с отчаянием воскликнул:

— Я ведь самый обычный человек! Что он во мне нашёл?

Уся, в чьём теле сейчас пребывало сознание Ду Чэнъина, повернул голову и нежно коснулся носом щеки Линь Ци. Юноша попытался уклониться, но зверь ловко последовал за ним, прижавшись мягким носом к его лицу. Линь Ци рассмеялся и перестал сопротивляться. Он потрепал Циляня по лбу и, прищурившись, спросил:

— Ты ведь тоже меня любишь, правда?

Мягкий нос снова мазнул по щеке, вызывая щекотку. Линь Ци со смехом отстранился и печально вздохнул:

— Эх, если бы я мог забрать тебя с собой...

Уся поднял голову. Его изумрудные глаза смотрели на юношу с такой нескрываемой глубиной

и сложностью чувств, что рука Линь Ци замерла. И вдруг в его сознании отчётливо прозвучал голос.

«Мне всё равно»

Голос был глубоким, подобным древней молитве, он исходил из самой глубины души, заставив Линь Ци содрогнуться.

Цилинь продолжал неотрывно смотреть на него, и вновь прозвучал этот властный голос:

«Не вини себя»

Сердце Линь Ци бешено заколотилось. Он не понимал, почему пульс вдруг так ускорился. Глаза Уся точно обладали магической силой, затягивая его в свои глубины. Когда мягкий нос зверя вновь коснулся его кожи, юноша вздрогнул и буквально скатился со спины Уся на землю.

Зверь не шелохнулся. Его спокойствие и величие показались Линь Ци пугающе чужими. Юноша долго сидел на траве, глядя на Цилиня, и чувствовал, как тело сковывает оцепенение.

В этой звенящей тишине Уся вдруг приоткрыл пасть и тоненько выдал:

— Мяу.

Линь Ци наконец выдохнул. Весь его страх мгновенно улетучился. Он снова прильнул к могучей спине зверя, зарываясь лицом в мех.

— Уся, ты меня напугал, — глухо пробормотал он.

Ду Чэнъин, смиренно принимая свою участь, снова коротко мяукнул. Линь Ци доверчиво потёрся о его спину — этот детский жест заставил сердце Ду Чэнъина пропустить удар.

«Если бы Линь Ци всегда был со мной так непринуждён и свободен...»

Совершенная Мастерца Юаньюй, выслушав вести о бесчинствах демонов, пришла в ярость:

— Как могло случиться, что до нас не дошло ни единого слуха?!

Сяо Мо промолчал, лишь на его лице отразилось привычное безразличие человека, уставшего

от суеты.

Остыв, Юаньюй поняла, что её вопрос был излишним. Причина была стара как мир: междоусобицы. Никто не хотел признавать, что на его землях творится нечто, выходящее из-под контроля. То, что Сяо Мо решился прямо заявить об этом, уже было немалым достижением.

— Я поняла. Благодарю тебя, — нахмурилась она. — Дело серьёзное. Я обсужу это с другими Мастерами. Ты можешь идти.

— Слушаюсь, — Сяо Мо поклонился и вышел. Он сделал всё, что мог, и совесть его была чиста.

Появление Циляня считалось благим знамением, но за великим благом часто следует великое бедствие. Юаньюй смотрела вдаль тяжёлым взглядом. Кажется... мир стоит на пороге хаоса.

Спустя несколько дней Сяо Мо получил приказ школы. В нём говорилось: гора Юэлу призывает всех учеников спуститься вниз ради искоренения демонов и защиты Праведного Пути. Всем без исключения надлежало выступить немедленно.

Ознакомившись с приказом, Сяо Мо собрал младших соучеников и быстро распределил роли:

— Мы с братом Ванем отправимся в Фаньцзю. А вы, брат Ду и брат Линь, вместе держите путь в Хуаюань. Позаботьтесь о нём, Ду.

Линь Ци опешил:

— Но, брат Сяо, мы ведь оба из клана Линь в Хуаюане!

— Избавь меня от этого! — Сяо Мо лишь отмахнулся. — Стоит мне вернуться, как матушка сразу начнёт допрашивать, когда я наконец остепенюсь, — он потянул Вань Чжужэна за рукав. — Пошли, пошли скорее.

Вань Чжужэн едва поспевал за ним:

— Брат, подожди! Мы же вещи не собрали! Нельзя же так уходить?

— Да что там собирать! У тебя столько камней, неужели на новые шмотки не хватит? — бросил Сяо Мо через плечо, торопливо уводя товарища подальше от опасного места.

Атмосфера между двумя младшими учениками была настолько странной, что он не желал оставаться там ни лишней секунды.

Линь Ци уже много дней не разговаривал с Ду Чэнъином. Тот, казалось, намеренно избегал его. От былой навязчивости не осталось и следа — он удивительно быстро перестроился, даровав Линь Ци желанную свободу. Система, увлечённая своими шоу, не обращала на подопечного внимания, так что ему оставалось беседовать лишь с Уся.

Зверь с каждым днём становился всё смысленнее. Видя, как Ду Чэнъин молча уходит, он потёрся о подол Линь Ци. Юноша погладил его по уху и вдруг, скорчив забавную рожицу, показал в сторону ушедшего Ду Чэнъина язык:

— Он со мной не разговаривает — и я не буду.

Уся молча наблюдал за ним с привычным терпением и любовью.

Линь Ци сам просил Ду Чэнъина не любить его. Так почему же теперь, когда тот, кажется, внял просьбе, в душе поселилась странная пустота?

«Неужели это та самая история про то, что мы не ценим то, что имеем, пока не потеряем?»

Ду Чэнъин всё же пришёл к нему, собравшись в дорогу.

— Брат Линь, если тебе в тягость мой путь, мы можем пойти порознь, — негромко произнёс он.

Линь Ци продолжал перебирать шёрстку зверя, не зная, что ответить. Заметив его молчание, Ду Чэнъин смягчил голос:

— Я не пытаюсь тебя уязвить. Просто не хочу, чтобы ты чувствовал себя неловко.

— Мне не неловко, — тихо отозвался юноша.

— В самом деле?

Линь Ци терзал мех Уся, в голове его царил полный сумбур.

— Мы из одной школы, — наконец выдавил он. — Как бы то ни было, нас связывает дружба. Не стоит из-за... некоторых вещей делать жизнь столь тягостной.

— Я никогда так не думал, — Ду Чэнъин на мгновение задумался. — Давай договоримся: если тебе что-то станет неприятно, ты просто скажешь мне об этом, хорошо?

Линь Ци глубоко вздохнул и наконец поднял глаза на собеседника. Он давно не смотрел на Ду Чэнъина прямо, и теперь увидел, что нежность в его взгляде ничуть не угасла — она по-

прежнему переполняла его взор. Юноша снова порывался отвести глаза.

— Неужели даже мой взгляд вызывает у тебя досаду? — Ду Чэнъин говорил ровно. Даже произнося столь печальные слова, он оставался внешне спокоен.

— Нет, вовсе не досаду... — Линь Ци снова замялся, не в силах продолжать под этим магнетическим взглядом.

Эти чувства были слишком драгоценны, и он не знал, как их принять.

Ду Чэнъин точно прочёл его мысли. Он внезапно шагнул ближе. Линь Ци попятился и прижался спиной к массивному телу Уся. На этот раз Ду Чэнъин не отступил. Он пристально смотрел юноше в глаза.

— Ты боишься, что я могу что-то с тобой сделать? — его голос звучал низко.

Он был так близко, что Линь Ци почувствовал едва уловимый аромат фруктовой древесины. Юноша невольно задержал дыхание. Ду Чэнъин наклонился к нему, его прекрасное лицо медленно приближалось. Сердце Линь Ци точно замерло в пустоте, а сам он невольно вытянулся в струнку.

Бледные губы Ду Чэнъина остановились в паре мгновений от его лица.

— Без твоего дозволения — я не посмею, — прошептал он, и этот голос, казалось, проник в самую душу.

Ду Чэнъин выпрямился, и Линь Ци наконец смог выдохнуть. Сердце бешено колотилось. Юноша торопливо отвернулся и уткнулся в шерстку Уся, пытаясь скрыть своё смятение и судорожные вдохи.

Ду Чэнъин с тенью улыбки наблюдал за его подрагивающей спиной. Он обещал не давить, но искушение подразнить Линь Ци было слишком велико.

«Когда же ты наконец поймёшь...»

Они отправились в путь. Чтобы не привлекать лишнего внимания, Уся уменьшился в размерах — теперь он был не больше обычной собаки и уютно устроился на руках у Линь Ци.

— Ты и так умеешь? — изумился юноша. — Что же ты раньше молчал?

Уся промолчал: Ду Чэнъин просто не догадывался, что Линь Ци предпочитает всё маленькое и пушистое.

Линь Ци не мог нарадоваться новой форме Циляня. К вечеру они добрались до городка у подножия горы. Ду Чэнъин привёл спутника к постоялому двору.

— Брат Ду, давай возьмём две комнаты, — предложил Линь Ци. — Я хочу забрать Уся к себе.

— Как пожелаешь, — на губах Ду Чэнъина промелькнула лукавая усмешка.

Линь Ци, увлечённый своим питомцем, не заметил этого странного выражения.

Несмотря на близость к горе Лунной Росы, людей на улицах было подозрительно мало. Обычно здешние гостиницы были переполнены, теперь же торговля явно пришла в упадок. Ду Чэнъин расспросил трактирщика о последних новостях, а затем удалился в свою комнату для медитации. Однако тревога за Линь Ци не оставляла его. Закрыв глаза, он вновь отправил своё сознание в тело Циляня.

Едва Ду Чэнъин «очнулся» в теле зверя, как почувствовал, что комната наполнена влажным паром. Он понял: дело плохо. Но прежде чем он успел покинуть тело Уся, его подхватили со спины и перевернули. Ду Чэнъин столкнулся взглядом с сияющими глазами Линь Ци.

— Уся, а может, и тебя помыть?

Линь Ци только что вышел из купальни: его щёки розовели, влажные волосы рассыпались по плечам, а ворот нижнего одеяния был небрежно распахнут, открывая изящную линию шеи. В этом образе не было и капли жеманства, но для Ду Чэнъина он затмевал все красоты мира. Эта чистота была столь совершенной, что в глубине души возникло почти непреодолимое желание оставить на ней свой след.

— Уся! Что с тобой? У тебя кровь носом пошла! — испугался Линь Ци и поспешил прикрыть ладонью нос зверя.

Ду Чэнъин: «...»

Юноша мало смыслил в повадках духовных зверей и совершенно не связал это с тем, что сам стал причиной этой конфузной ситуации. Он в панике принялся скармливать Уся всевозможные пилюли. Ду Чэнъин, отчаянно читая про себя заклинание успокоения сердца, безвольно жевал пилюли, которые Линь Ци совал ему в пасть.

«До чего же я докатился...» — обречённо подумал он.

— Может, ты взрослеешь? — бормотал Линь Ци, переворачивая зверя и внимательно осматривая его хвост. — Нет, хвост ещё совсем белый. Рано ещё.

Ду Чэнъин застыл. Он не хотел, чтобы Линь Ци проявлял такую близость к настоящему зверю, и, ловко вырвавшись, спрыгнул на пол. Он издал недовольное «мяу».

— Ты что, застеснялся? — улыбнулся Линь Ци. Вид крохотного Циляня пробуждал в нём инстинкт заботливого хозяина. — Иди сюда, я тебя вымою.

Не выдержав, Ду Чэнъин просто выскочил из комнаты. Линь Ци не стал его догонять. «Малыш вырос, ему нужно личное пространство», — решил он, уверенный, что Уся скоро вернётся. С этой мыслью он и уснул.

— Брат...

Сквозь дрему до него донёлся низкий голос. Он был знакомым, но звучал непривычно — вкрадчиво, почти у самого уха. Нос уловил едва заметный аромат фруктового дерева. Линь Ци с трудом открыл глаза. В темноте он увидел глубокий, таинственный блеск чужих глаз и бледные губы, скользнувшие совсем рядом с его щекой.

— Брат, неужели в твоём сердце совсем нет места для меня?

Тёплое дыхание коснулось его кожи. Линь Ци вздрогнул. Происходящее казалось сном, но искушение, таившееся в этих словах, было вполне осязаемым.

«Я сплю?»

Мысли путались. Линь Ци хотел отстраниться, но тело казалось налитым свинцом. А пугающее и в то же время притягательное присутствие становилось всё ближе: губы видения переместились от щеки к кончику его носа, точно пытаются проникнуть под самую кожу.

— Брат, ты покраснел...

Линь Ци нахмурился. Он окончательно осознал, что запутался в сетях кошмара. Настоящий Ду Чэнъин никогда не позволил бы себе подобной развязности. Собрав всю волю в кулак, он выкрикнул:

— Прочь! Не смей меня трогать! — и наотмашь махнул рукой.

Его запястье тут же перехватили. В руку влилась волна духовной энергии, и Линь Ци рывком открыл глаза. На этот раз по-настоящему. В комнате было светло, как днём. Ду Чэнъин сидел рядом и молча смотрел на него. Его облик был воплощением достоинства и спокойствия — ни следа того пугающего соблазна из кошмара.

— Тебя одолел морок, — негромко произнёс Ду Чэнъин.

Спина Линь Ци была мокрой от пота, сердце всё ещё колотилось.

— Кажется, всё куда серьёзнее, чем мы думали, — обессиленно проговорил он.

Если демоны смогли пробраться даже в гостиницу у подножия горы, значит, беда совсем близко. Ду Чэнъин не ответил. Помолчав, он медленно произнёс:

— Только что... ты звал меня по имени.

Линь Ци замер, не закончив вытирать пот со лба. Его рука, всё ещё зажата в ладони Ду Чэнъина, внезапно показалась ему слишком горячей.

— Правда?.. — пробормотал он.

— Ты просил меня уйти, — Ду Чэнъин чуть усилил хватку и внезапно привлёк Линь Ци к себе. Юноша потрясённо вскинул голову и встретился с его глазами, в которых плескался вызов. — Неужели я что-то с тобой сделал, брат?..

Линь Ци затаил дыхание. Собеседник едва заметно улыбнулся и, склоняясь всё ниже, прошептал:

— Вот так?..

Звонкая пощёчина заставила его голову мотнуться в сторону. Линь Ци смотрел на него с отвращением.

— Прости, но ты играешь совсем неубедительно, — ледяным тоном произнёс он.

Лицо лже-Ду Чэнъина исказилось гримасой ярости. Он хотел что-то сказать, но в этот миг раздался яростный рёв, донёвшийся, казалось, из-под самой земли. От этого звука видение мгновенно рассеялось дымком.

Линь Ци снова открыл глаза.

— Брат, что с тобой?! — перед ним был настоящий Ду Чэнъин. Он выглядел предельно напряжённым, его брови были мучительно сдвинуты, а в глазах читались тревога и раскаяние. Ду Чэнъин видел, что взгляд юноши всё ещё блуждает, точно тот не до конца покинул мир грёз. Он корил себя за то, что отослал Уся и позволил мороку пробраться в комнату. — Всё из-за...

Крепкое объятие прервало его слова.

— Это ты, — выдохнул Линь Ци. В его голосе слышались безмерное облегчение и покой.

Ярость в сердце Ду Чэнъина мгновенно угасла. Человек в его руках обладал поистине магической силой — Ду Чэнъин мог стать святым или демоном в одно мгновение, и всё зависело лишь от чувств Линь Ци. Он медленно поднял руку и нежно погладил юношу по волосам.

— Я здесь.

<http://bllate.org/book/15815/1423470>